

Светлана Прекрасная

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, жил один купец, богатый-пребогатый; у него не было ни сыновей, ни дочерей. Они ходили с женой в церковь, молили бога, чтобы кто-нибудь да у них родился, жалко было так оставлять свое богатство.

Наконец, жена купца забеременела; родился у них сын — назвали Митенька. Стал он расти, отец отдал его в школу. Там он столько поучился, стал годов, верно, семнадцати, отец поехал за границу за товаром, и сын стал проситься с ним. Отец пожалел, что сын просится, сам взял его с собой.

Мать, когда они отправились, просила мужа, чтоб он его берег. Сели на корабль и поплыли. Плыли близко ли, далеко, подплыли к одному острову, слезли с корабля, пошли на остров посмотреть, полюбоваться. Так что проходили целый день без малого. Такого чего не нашли, ни единой души человеческой не было; они себе представили, что этот остров был необитаем.

Вдруг Митюша смотрит: что такое? Думал сперва — огонь горит; подошел: лежат драгоценные камни — тридцать три камня, один одного краше. Митя раззарился, взял их и принес па корабль. Отец обрадовался: «Вот, Митя, за этот один камешек нашего всего хозяйства вместе с кораблем не хватит!» — «Папенька, так я еще возьму двух-трех матросов, сходим посмотреть еще». Отец хоть и берег его, а тут согласился: «Ну, что же, Митя, с полным удовольствием!»

Пошли они по острову; Митя всех направил в разные стороны и указал всем, где сойтись. Пошли каждый по своей дороге. Ходили долго ли, мало ли, стали выходить на условленное место, а Мити нет. Вот они сперва кричали, потом стали стрелять, требовали с корабля людей, ходили всем народом и все-таки не нашли. Искали три дня и три ночи, никого не видали и Митю не нашли.

Корабль отправился в поход, а Митя остался на острове. Он ходил целый день без малого — блуждал все по острову, потом вышел на одну долину, увидел дворец громадный, такой дворец, что Митя и не видал таких; даже царский дворец не мог с ним сравниться. Он подошел к этому дворцу и посмотрел на него; входит во дворец; комната такая, что и царских палат

он таких не видел! Изукрашено, все везде блестит, а ни души живой в комнате не было. Заходит в другую — еще лучше убрано, человеческой души единой нет; заходит в третью, нет никого. Повернулся — еще двери, а там открылся огромный зал, стоял большой круглый стол, за этим столом в кресле сидела красавица.

Как увидела Митю, прямо ахнула: «Ах, боже мой, что я вижу! Откуда такой взялся молодой юноша? Как же ты попал и откуда, и зачем? Я уж здесь живу триста лет и не видела ни одного живого существа и ни одного юноши!» Стал он ей рассказывать, она и руками всплеснула и говорит: «Ах, боже мой, Ворон Ворондвич теперь тебя погубит! Ну, ладно, — говорит, — я отведу тебя в другу комнату, а [то] он скоро прилетит».

Вдруг весь дворец затрясся, налетел Ворон Воронович, а как ударился об крышу, так закачался весь дворец. Как только он вошел в комнату, повел носом: «Это что у тебя русским духом пахнет?» Она улыбнулась и говорит: «Наверно, ты по русской земле летал и русского духу нахватался». — «Нет», — говорит. — «Погоди, я тебе сейчас сообщу: у меня есть гость, молоденький-молоденький юноша», — «Ах, он негодяй, твой молоденький юноша; я триста тридцать лет хранил тридцать три драгоценных камня, а он их за три часа похитил! Я с ним разделаюсь!» — «Нет, нет, погоди, Ворон Воронович! Ты сам был молодой! — это было лестно, он по глупости, по молодости позарился! Такой молодой, такой красавец — возьмем его себе в сыновья. Я с тобой триста лет живу, а у нас не было ни единого детища. Пускай он будет моим сыном!» Он согласился: «Что же, раз ты желаешь — возьмем!»

Митя остался. И вот пошел он в сад гулять, Ворон Воронович и говорит ему: «Митя, иди в сад гуляй, только берегись — есть там таки птицы — ты их берегись».

Он ходил, гулял по саду, ему там нравилось — источники, фонтаны, разные деревья — все хорошо. Вот он повернул на одну аллею, там беседка, или, иначе сказать, клетка, [в ней] сидит красавица. Поодаль смотрит — опять клетка и опять красавица. Оказалось их штук до пяти или больше. Когда подошел он к последней беседке, там сидела красавица — прекрасная Светлана. Уж так она была красива, что он не мог оторваться — невольно остановился и стал смотреть. Она ему тоскливо говорит: «Что же ты, молодой человек, не идешь ближе, разве я тебе не нравлюсь? Ведь я когда-то была так же юна, так же резва и так же на воле, как и ты! А теперь посмотри, я стала невольницей, и, быть может, таким же будешь и ты». Он с

ней остановился, и она ему говорит: «Вот, дорогой, кабы ты меня освободил, то мы бы пошли вместе на твою родину, жили бы у твоих родных, я была бы тебе благодарна и была бы твоей. Не знали бы мы никакой заботы». — «Ну, как же я могу вам помочь?» — «Очень просто — я расскажу, где взять ключи и отворить мою клетку». — «А как же я могу их достать?» — «А вот как: Ворон Воронович прилетит и потом уснет, а он спит три дня и три ночи, и как захрапит так, что дворец будет трястись, тогда пойдя к нему и возьми ключи у него из-под головы. Вот, когда принесешь мне, мы тогда можем с тобой быть свободны, и никто нас не увидит».

Пошел он домой и призадумался. Мать встретила его и заметила за ним, что есть какая-то перемена. Она спросила у него: «Митя, ты что такой невеселый, али захворал?» — «Нет, мамочка, я долго ходил и очень устал».

Когда прилетел Ворон Воронович, лег спать и так уснул, захрапел, что весь терем затрясся, Митя пришел, [взял] ключи, пошел и отомкнул клетку Светланы; она вышла из клетки, хлоп его по щеке: «Прощай, Митя, поминай как звали!»

Митя стоял, как испуганный птенчик, и только смотрел в ту сторону, куда она полетела.

Ворон Воронович проснулся, хватился ключей, закричал — весь дворец задрожал. Его красавица бросается к нему в испуге: «Что такое случилось?» Он кричит: «Сейчас его сказню, негодяя, он отпустил Светлану!» Она упала на колени у его ног и стала умолять: «Подумай, Ворон Воронович, ты сам был молод, ты знаешь, как она прельщала; она его, молодого, прелестного, зачаровала, и он не мог оторваться от ее прелестной красоты!»

Умоляла и упрашивала она Ворона Вороновича, чтобы он простил Митю. Тогда он вытащил свою старую шапку (от отца, а может — и от деда досталась) и ударил об землю: «Разыщи мне эту негодяйку, чтобы я сейчас ее видел».

Подул ветер, поднялся вихрь, распахнулось окно, и в три погибели свернутую Светлану бросило в комнату Мити. Тогда он не то чтоб удивился, взял ее за руку и повел к Ворону Вороновичу. Тот сейчас же приказал посадить ее в ту же клетку, замкнул и ключи взял себе.

Мать и говорит Ворону Вороновичу. «Не лучше ли будет, чтоб женить Митю?»

Позвали Митю и стали его спрашивать, желает ли Митя жениться и взять себе судьбу. Митя невольно и задумчиво сказал: «Можно».

Ворон Воронович завел его в одно зало и сказал: «Вот, выбирай из любых девушек, только не подходи к портрету, который завешен сеткой».

Митя обошел и обсмотрел все портреты, и ни одна не понравилась ему. «Ну, хотя папа и не велел мне подходить к портрету, что же, если я посмотрю?»

Когда он откинул сетку и вздрогнул — увидел перед собой прекрасную Светлану. Он хотел закинуть сетку, но рука его не владела; он хотел назад отойти — его ноги не владели. Взоры свои никак не мог оторвать.

Зашел Ворон Воронович и спросил Митю: «Почему ты за претное потрогал?» Он невольно опустился на колени: «Папа, она будет моя!» Ворон Воронович вздохнул и сказал: «Ты будешь несчастным, дитя!» Мать опять утешает: «Да, может быть, она все глупости бросит и будет хорошая жена».

Тогда Ворон Воронович пошел к Светлане и сказал: «Можешь ли быть женой сына моего?» Она сделала жалкий вид и сказала: «Я не достойна! Вы никогда меня не простите за мой поступок, какой я сделала вперед этого!»

Она прикинулась такой жалкой, что у Ворона слезы навернулись. Тут же он освободил ее из клетки, провёл в свой дворец, поженил их.

Сколько-то времени прошло, и Ворон Воронович сказал Мите: «Вот что, Митя: ты своей семьей обзавелся и можешь быть свободным и идти, куда хочешь. Отец твой богат, можешь идти на свою родину». Выносит он свою старую отцовскую шапку: «Береги и храни ее, она тебе со временем годится дороже всякого богатства».

Ну, потом они отправились; только подошли к морю — идет корабль, они сели и поплыли. Когда приплыли в свой город, то Митя стал отыскивать отца. В родном доме, где они жили, их уже не было. Покуда время шло да тянулось, этому прошло три года: отец искал сына, расточил все свое богатство на поиски, стал бедным; дома свои все поприкрыл, остался один-единственный старый флигель у него. Мать все плакала, сделалась полутемной, старой, дряхлой.

Когда он их отыскал, сразу не признался, выпросился у них будто бы на квартиру. Как раз это было под самую пасху. Все стали собираться к заутрене. Светлана говорит: «Что же, Митя, как такой праздник, идут в

церковь ваши хозяева, так и вы можете идти, а я, как пуританка, дома останусь».

Они все собрались и ушли; она в это время собралась и улетела. Он пришел от заутрени — ее нет; поплакал, погоревал, попрощался со своим отцом и матерью, ничего им не сказал и отправился в дорогу.

Шел близко ли, далеко, лесом и тайгой, не встретил ни одного живого существа, ни одной хижины. Шел три дня. На четвертый день видит: поляна, на поляне избушка; идет прямо к избушке, в избушке живет старуха, у ней нос — целых два аршина! «Ого, вот и завтрак пришел!» — «Ах ты, старая, ты сперва напои да накорми, тогда и завтракай!» — «Ох как смело поступаешь! Ты кто такой, молодчик?» — «Я, бабушка, Ворона Вороновича сын». Старуха затряслась, упала на колени, просит: «Ты, батюшка, не сказывай Ворону Вороновичу, а то он мне задаст!»

Напоила, накормила, спать в постель уложила. Утром накормила завтраком и дала ему клубок: «Куда клубок катится, туда и ты иди; придешь к моей средней сестре».

Вот он пошел; клубок катится, он идет; он сядет отдохнуть — клубок стоит. Доходит к вечеру опять на полянку, там стоит избушка, опять старушка — у этой еще нос дольше. «Ах, батюшка, откуда ты взялся? Ты от моей старшей сестры идешь? По каким же делам?» Он закричал: «Ты сперва, старая, напои, накорми, да потом говори!»

Давай она его потчевать. Потом спать уложила, утром завтраком накормила и давай спрашивать. Он ей все рассказал, она дала ему клубок и сказала: «Он тебя доведет до моей младшей сестры, она, наверно, знает, где живет прекрасная Светлана».

Пошел он опять за клубком; на третий день доходит до третьей сестры. Та ему тоже клубочек дала, и на четвертый день дошел он до дворца Светланы. Когда Светлана увидала его, и говорит: «Вот мне и завтрак пришел!» Митя говорит: «Ты хоть вымой меня в бане, с дороги-то я грязный шибко».

Сейчас же истопили баню, вымыли его, вычесали, чистый, хороший стал. «Да ты меня хоть напои, накорми, а то что ты голодного будешь есть!» Напоили, накормили, он и говорит: «Да ты дай хоть три дня мне погулять!»

Она ему дала денег, он и пошел в город.

Зашел в кабак, набрал вина и давай всех угощать и потчевать, а сам не пьет. Один старичок сидел поодаль и смотрел на него, подошел и спрашивает: «Об чем ты так задумался, молодчик, об чем горюешь, бедняжка! Я вижу тебя по твоим чертам, по твоему красивому лицу, знаю твои думы и грусть большую». Он посмотрел ему ласково в глаза и хлопнул по плечу: «Эх, дедушка, не поможешь ты горю моему!» — «Нет, батюшка, я помогу!»

Он дал ему скатерть и сказал: «Выйди за город, расстели и сядь на нее».

Он вышел за город и сел на скатерть, она подняла его на самые облака.

Светлана ждет; вечер, его нет. Она зовет своих чертенят и посылает его искать. Чертенята везде — и по кабакам, и по трактирам, и по бардакам — везде выискали, нет нигде. Как провалился! Она берет свою волшебную книгу и подходит к волшебному зеркалу, открывает книгу, а чертенятам велит смотреть в зеркало; те взглянули, а он сидит в облаках! Чертенята сейчас же взвились, подхватили его и притащили прямо к ней. Она затопала, закричала: «Ты, негодяй такой, ты еще прятаться от меня? Сейчас же съем!» — «Подавишься! Еще три дня не прошло; ты, как король, не должна отступать от своих слов, должна дать погулять три дня!»

На другой день он опять пошел в этот же кабак, набрал опять вина и потчует всех. Старик тот подошел к Мите и говорит: «Пускай, сынок, вино пьют, а ты ступай за город, садись на свою скатерть».

Пошел. Только сел, она понесла его и занесла его в такую-то трясиину, что он угряз-по самые уши. Вечер подходит. Светлана ждет — его нет. Опять зовет своих чертенят, посылает его искать. Искали, искали — не нашли. Берет она свою волшебную книгу и волшебное зеркало — велит чертенятам смотреть в зеркало, а сама книгу раскрыла. Вот увидели чертенята его в трясиине, притащили всего в грязи, как черта. Ох, она расходилась, раскричалась: «Я тебя сейчас съем!» — «Врешь, такого грязного не будешь есть, а ты лучше баню вели затопить, чтоб вымыть меня!»

Вымыли, напоили, накормили, спать пошел, ей говорит: «Три дня еще не прошло!»

На третий день опять в кабак идет, опять накупает вина и наливки, угощает всех, кто что желает. А старик уж тут: «Иди за город, садись на скатерть, сегодня зеркало тебя не покажет. Вот на тебе железный прут, он тебе пригодится: когда она тебя по своей волшебной книге не найдет, то она

рассердится и бросит книгу; тогда ты выходи из-за зеркала, бери ее за косматки и бей прутом до тех пор, пока она не скажет, что бросит все. Тогда заставь ее землю есть».

Вот вечер пришел, он так сделал, как старик велел. А Светлана сидит, дожидает Митю. Нет, не идет. Позвала чертенят, велела везде его искать. Рыскала, рыскала нечистая сила — не могла найти. Топнула ногой, схватила волшебную книгу, а чертенята у зеркала сторожат — ничего не видать! Смотрела, смотрела, разозлилась, схватила — хватъ книгу об пол: «А, ты не хочешь мне повиноваться и служить!»

У дарила книгу об пол, а Митя вышел из-за зеркала и давай ее стариковым прутом ласкать. Бил, бил, наконец, она взмолилась: «Ой, не буду больше, Митя, прости меня, не буду!» — «Поклянись небом и землей!»

Поклялась, тогда он бросил бить.

Вот когда она стала, как его жена, то захотела поехать прокатиться, велела запрячь в карету тройку лошадей. А он велел запрячь простую бричку. Вышли садиться, она увидела бричку, раскричалась, что не слушают ее приказаний. Митя ей говорит: «Не все равно тебе ехать? Все знают, что ты королева, а я король, в чем бы ни поехали».

Поехали. Едут сколько-то времени, Митя и говорит: «Взгляни на небо, какая яркая звезда, а посмотри назад!»

Она взглянула, а дворец ее весь пылает в огне! Вот она кричит: «Назад надо вернуться!». Но он ее не пустил: «Все равно не сможешь». Когда покатались, повернули к дому, приезжают — дворец как стоял, так и стоит, только сгорели одни ее волшебные книги. Она заплакала, зарыдала, вдруг отворились двери, и вошел старик, который его выручал, ударился об пол — сделался старой отцовской шапкой. Митя поднял ее с полу и стряхнул, старичок опять оказался тут: «Вот, Митя, всю службу я исполнил и теперь я свободен».

Колдовство с нее свалилось. Светлана была дочь одного царя, познакомилась с одной ведьмой, и та обучила ее всем колдовским делам... И стали они с Митей жить в любви и счастье.

Взяли к себе отца с матерью, которые поверить не могли, что их сын жив и вернулся к ним.

(Зап. от Е. И. Чичаевой, с. Заледеево Красноярского края, в 1928 г.)

Сказки Красноярского края. Сборник М. В. Красноженовой. Под общ. ред. М. К. Азадовского и Н. П. Андреева, Л., 1937.